

РАССКАЗЫ

О КРАСОТЕ

Знакомства есть у каждого.

Кто-то имеет связи в прокуратуре, кто-то в суде, у кого-то имеется крыша в криминальных структурах. У меня были знакомства в пиццерии «Восемь сыров». Дайте мне угадать. Вы сейчас верно подумали: «Ну вот, нашел чем хвалиться! Чем, интересно, по его мнению, может быть полезен повар одного из местных фастфудов?» Но не спешите делать сиюминутные выводы. Очень часто жизнь подкидывает сюрпризы, и не всегда те спешат к нам навстречу по торным дорогам. Иногда они тихонько подкрадываются со спины, а иногда падают на нас прямо сверху.

Но довольно метафор. Перейдем сразу к сути. А она, если переводить ее на слова, такова: однажды пиццерии «Восемь сыров» исполнилось десять лет. И естественно, в честь этой даты собственник решил устроить для людей праздник. Но не такой, когда деньги швыряются направо-налево, травятся анекдоты, а предприниматель обнимается с каждым встреченным проходимцем, приглашая его на бесплатный фуршет, и потом целый год жалеет о понесенных убытках. А такой, когда вроде бы делается тоже самое, но вместо убытков собственников получает изрядные прибыли, соответственно ощущая все последующие триста шестьдесят пять дней состояние счастья, довольства и безмятежности. Одним словом, все то, что ощущает Сбербанк после выдачи очередной ипотеки.

Вскрою карты и скажу, что хозяин пиццерии решил устроить розыгрыш. Каждый, кто сподобился отобедать в его замечательном заведении десять раз на сумму в пятьсот рублей, имел право получить номерок с четырьмя цифрами, который, в свою очередь, опускался в назначенный день в прозрачный крутящийся барабан. Думаю, дальше не нужно ничего объяснять. Вы уже обо всем догадались. С каждым из нас проделывали нечто подобное. Я сам участвовал в этих забавах миллион раз. И так же, как вы, ни черта не выигрывал.

В этом месте наш рассказ проясняется.

Вероника, родная сестра моей любимой супруги и по совместительству повар пиццерии «Восемь сыров», была вылитым Остапом Бендером. Отправь ее на луну — она начнет продавать там открытки с видами Колизея. Прослышав в чаде скворчащего масла о розыгрыше и его главном призе — путевке в любую точку планеты стоимостью одна тысяча долларов, она тут же придумала, как его выиграть. Одной ей известным путем она раздобыла призовые купоны и отдала все их нам с тем, чтобы мы обменяли

Анатолий Бимаев родился в 1987 году в ЗАТО пос. Солнечный Красноярского края. Образование высшее, юридическое. Публиковался в журналах «Абакан», «Пролог», «Зарубежные задворки», «Алтай», «Нева», «Сибирские огни», «День и ночь», «Крещатик», «Кольцо А». Участник 9-го и 12-го Форумов молодых писателей России и стран ближнего зарубежья. Участник Совещания молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015). Участник семинара прозы при Союзе писателей Москвы (2018). Живет в г. Абакане (Республика Хакасия).

их на номерки. Что мы и незамедлительно сделали. Сначала в пиццерию отправился я, потом сходила жена, через день наступила вновь моя очередь. Мы ходили туда, как на работу, ходили до тех пор, пока регистрационный журнал участников розыгрыша не запестрил нашей фамилией. Условия акции явно не подходили для обремененных кризисом и провинциальными предрассудками граждан. Либо никто в нашем городе не мог позволить себе выложить за кусок пиццы единоразово пятьсот рублей, либо, выложив их однажды, так основательно наедался, что потом целый месяц питался только кефиром и булочкой.

Судите сами, первый номерок, который мне выдал администратор «Восьми сыров», был три ноля шесть, четвертый — два нуля двадцать. Понятно, у жены была та же история. Пользуясь карточным сленгом, можно сказать, что у нас на руках был стрит-флеш. Вот только все вокруг знали об этом и уже вот-вот готовы были встать из-за стола, бросив карты.

Тут Вероника внесла в наш план действий корректировку.

— Так, — сказала она, — появляться в пиццерии вам больше нельзя. Это опасно. Вы и так уже примелькались. Обзвоните друзей. Пусть номерки за вас получают они.

— Но придется с ними делиться, — против воли вырвалось у меня.

— Пообещаем им несколько тысяч. Думаю, этого хватит. В конце концов, все, что от них требуется, — это расписаться в регистрационном журнале. Мы же получим основную часть приза.

Несколько тысяч? Ха. Как бы не так. Нынче пошли такие друзья, которым проще обобрать до нитки тебя, чем кого-нибудь постороннего. Постороннего еще нужно найти, как минимум, представиться, а ты всегда рядом. Даже не нужно никуда выходить. Вот я и подумал, что для этого дела нужен не просто товарищ, но по совместительству еще альтруист. И как только я так подумал, мне сразу припомнился Гена. Гена! Бесхитростный, непрактичный, витающий в облаках мастер спорта по шахматам, единственной целью которого было стать чемпионом планеты, как Ананд. «Уж он-то меня не обманет», — подумал я, набрав его номер. Но телефон Гены был отключен. С утра и до позднего вечера он готовился к очередному турниру. Как боксер, уезжающий перед боем жить в горы, подальше от родных и репортеров, Гена уходил вне зоны действия сети посредством нажатия красной кнопки. Только так он мог сосредоточиться. Разобрать этюды, поиграть блицы, посмотреть по Ютубу игры Каспарова с Фишером.

Лишь поздним вечером он наконец объявился.

— Гена, — закричал я, — твою душу мать, ты опять отключился?

— Да, сегодня была прямая трансляция с чемпионата Европы.

— Гена, мне срочно нужна твоя помощь!

— А что такое? Что случилось?

— Ничего такого, что выведет тебя из равновесия, — поспешил успокоить я друга. Мне как никому другому было известно, что Гена боялся всего, что было хоть отдаленно похоже на проблемы. — Нужно, чтобы ты получил за меня номерок.

Звучало, будто я звал его в гардероб. Поэтому я подробно обрисовал ситуацию. Поначалу Гена отнекивался. Как истинный шахматист, он просчитал положение на миллион ходов вперед и пришел к выводу, что больно уж дельце хлопотное. Боже, как я любил этого человека. У него был собственный стиль, это точно. Ему звонят в полдвенадцатого ночи, просят получить номерок, а он говорит, что весь этот год да и вообще ближайшее тысячелетие у него расписано по секундам. И он не обманывал. Может, самую малость. У него действительно не было времени. Не было времени для всего, что не связано с шахматами. Он попросту не признавал всего остального. Сон давал ему сил для игры, поэтому он иногда спал. Завтрак питал его мозг, и он любил завтракать. Чтобы вытащить его, например, попить пива, ему нужно было звонить

за месяц, не раньше. И то минут тридцать читать по телефону лекцию о пользе алкогольных напитков для нервной системы. Когда же он от меня уходил, то обычно прощался такими словами: «Ну, может быть, летом увидимся». Это если дело было зимой. Летом он прощался до Нового года. «Ну, даст Бог, в этом году еще свидимся». Удивительный человек. Честное слово.

— Прогуляешься, — говорил тем временем я. — Подышишь воздухом. Полезно для мозга.

— Ладно. Но я только получу номер. И все.

— Разумеется.

— Ни на какие розыгрыши я не пойду.

— Розыгрыш будет транслироваться по телевидению.

— Смотреть его я тоже не буду!

— Не будешь, Гена. Не будешь. Мы его сами посмотрим.

— Хорошо, — сказал он.

— Тогда встретимся завтра в десять у пиццерии.

— Ладно, — произнес он.

Я приготовился положить трубку.

— Постой, постой, — остановил меня Гена.

— Да? — спросил я.

— Это ведь все законно?

— О чем ты?

— Мне не нужны неприятности.

— В тюрьму нас точно никто не посадит.

— И все-таки это афера.

— Господи, Гена, да кому мы нужны со своими купонами? Им главное, чтобы реклама сработала, а кто полетит на Майорку, ты или бомж из подворотни, совершенно без разницы.

Я специально упомянул про Майорку, потому что Гена как-то выиграл там два турнира по блицу и влюбился в молодую испанку, которой потом долгое время писал на Фейсбуке.

— Ладно. Но если меня спросят, где я взял эти купоны...

— Вали на меня, как на мертвого, — сказал я. — Кстати, может, выпьем завтра пивка? В честь выигрыша? Должно же нам наконец повезти!

— Не знаю, — произнес Гена. — Давай через месяц?

А дальше говорить нечего. Мы выменяли через знакомых еще несколько номеров и на том успокоились. Розыгрыш должен был состояться в субботу. Было даже куплено эфирное время одного из местных телеканалов. Организаторы подошли к делу так же ответственно, как если бы это был прямой телемост с президентом. То есть как к грандиозному шоу. «Наверно, и победители уже были известны», — рассудил я. Конечно, я рассчитывал выиграть, но в глубине души не верил в саму эту возможность. Я был типичным представителем своего времени. Представителем людей, которых много и постоянно обманывали. Обманывали в магазинах, в церквях, во время прогулок по парку и на политических митингах. Нет, я не был циником, если вы сейчас об этом подумали. Я знал лично двух человек, которым в этой жизни привалила большая удача. Один из них получил кофеварку, другой — годовой запас зернового кофе. Жаль, конечно, что они друг друга не знали. Из них могла получиться команда почище Феттеля и Шумахера.

В общем, в субботу мы с женой сели смотреть эфир. Выглядел он ровно так же, как представлялся. Как грандиозное надувательство. Ведущая в короткой, не выше подмышек, юбчонке платонически ворковала с солидным мужчиной в галстук и при часах.

Мужчина крутил барабан. Я даже вздохнул от досады и открыл банку пива. Я решил относиться к предстоящему розыгрышу, как к футболу. Выиграют твои или нет, ты все равно возьмешь свое счастье парочкой литров светлого.

— Итак, Константин, что сейчас мы разыгрываем?

— Мы разыгрываем пять завтраков в пиццерии «Восемь сыров» стоимостью одна тысяча рублей.

— Это завтрак на одного или можно прийти всей семьей?

Тут я, честное слово, расхохотался. «Восемь сыров» относилось к числу заведений, где один стограммовый салатик из помидоров и капусты стоил двести тридцать рублей. А жаркое из питательной сои — четыреста. На тысячу рублей там можно было разойтись, только протащив под кофтой несколько собственных блюд и пакет растворимого сахара.

Ведущая тем временем принялась объявлять номерки. Наших, разумеется, она не назвала. Не назвала она их и в следующем туре, когда разыгрывались сертификаты на ланч стоимостью две тысячи рублей. Этот тур я просмотрел не моргнув глазом. Слишком мелкая рыбка. Ужин в пять тысяч рублей я и вовсе пробыл в толчке. От пива у меня начало давить клапан. Когда я вернулся в зал, объявляли заключительный тур. На руках у нас было девять билетиков в рай, ни один из которых еще не успел выбыть из розыгрыша.

— А теперь, — чуть ли не выпрыгивая из своего лифчика, объявила ведущая, — мы подошли к тому, ради чего, я думаю, вы сейчас все и смотрите наш эфир. К розыгрышу путевки в любую точку планеты стоимостью одна тысяча долларов. Константин, когда победитель сможет воспользоваться своим правом слетать, скажем, на Средиземное море? Сейчас, насколько я знаю, там еще не сезон.

— В любой момент.

— То есть торопить счастливого вы не будете?

— Нет, — сказал Константин.

— Отлично. Значит, победитель успеет купить подходящий купальник.

«Заговаривают зубы, — мрачно подумал я, открывая новую банку пива. — Сейчас либо во всей республике погаснет свет, либо начнется экстренный новостной выпуск о снегоборочной кампании в городе». Однако против всех ожиданий ничего такого не произошло. Выговорившись, ведущая взяла паузу, и, задорно взглянув на Константина, спросила:

— Ну что, крутим?

— Крутим, — сказал Константин.

И они это сделали. Раскрутили барабан с такой силой, что я успел выдуть половину бутылки санкт-петербургского «Хайнекене» прежде, чем ведущая опустила за номерком руку.

— Итак, победителем сегодня становится... Барабанная дробь.

— Надо же, Елена. Заметьте, обладатель какого красивого номера наш везунчик. С таким номером грех было не выиграть.

— Итак, внимание. Номер один-ноль-ноль-один.

— Поздравляю, — сказал Константин.

Я даже подавился чертовым пивом. Это был наш номерок. Я хорошо его помнил. Я помнил все номера наизусть. А этот — особенно.

— Мы выиграли, — закричал я.

— Как? — не поверила мне жена.

— Вот он. Вот номерок!

Я отыскал в ворохе разбросанных по дивану бумажек нужную и показал ее жене.

— Боже! — закричала она.

— Мы полетим на Майорку.

— Боже! — повторила жена.

Не скажу, что мы начали прыгать на месте или конвульсивно дергать конечностями, но были весьма близки к этому. Не буду заострять на этом внимание. На мой взгляд, проявления радости так же интимны, как чистка зубов и прием пищи.

— Кто же, кто же этот счастливчик? — спросил Константин.

— Геннадий Викторович Левенок.

— Давайте наберем его номер и принесем личные поздравления.

В студии повисла напряженная тишина. Потом раздался резкий, будь он неладен, зубодробильный звук, которым операторы извещают о том, что абонент недоступен. Что, собственно, тут же проговорил механический голос автоответчика. На лицах ведущих застыла неживая улыбка. Такое явно не входило в их планы.

— Гена, черт подери, — прошипел я.

Единственный способ экстренно вытащить Гену из бункера было написать ему в соцсети. Я немедленно это сделал. Боже, я никогда не писал на телефоне так быстро. Наверное, даже Фелбс не проплыл бы за это время пятьдесят метров.

Но Гена был вне сети.

— Ну что ж, — сказал Константин, растерянно посмотрев на Елену. — Без победителя мы не можем закончить эфир. Поэтому мы будем вытягивать номерки до тех пор, пока не дозвонимся до первого счастливчика.

И они снова раскрутили свою адскую лотерею.

— Эй, это не честно! — закричал я.

Но разве они меня слышали!

— Что там Гена? Ответил? — спросила жена.

— Какое там! Да это уже без надобности.

— Почему?

Бедняжка. От пережитого стресса она, похоже, перестала ориентироваться в происходящем.

— Смотри, что они делают. Они вытягивают другой номер.

— Не может быть!

— Может, черт их дерит.

Они действительно вытянули другой номер. Я, конечно, надеялся, что этот номер снова окажется нашим, но, видимо, таких везучих людей просто не бывает на свете.

— Мы победители! Мы! — кричал я, пока ведущие поздравляли какую-то старую перечницу с отвратительным голосом любительницы кислых щей. Как она могла сожрать итальянской еды на пять тысяч? Это было явной подставой, причем самого дурного пошиба. Она просто не годилась в подметки нашему Гене. По голосу он был вылитым ценителем средиземноморской кулинарии. Какое там. Будучи полиглотом, он мог выразить свои чувства на чистом итальянском, а потом добить их французским. Они только что лишились чистокровного Мastroяни.

— Нет, — застонала жена.

Я выключил телевизор. Мне не сиделось на месте.

— Отвечаю, пусть он берет кредит и покупает путевку.

— Ладно, ничего уже не исправить.

— Не исправить? Да он теперь будет строить нам дом в Зеленом бесплатно.

Мой телефон завибрировал. Гена!

— Да! — сказал я.

— Просил позвонить? — спросил он.

— Разумеется, я просил тебя позвонить, — едко произнес я. — Ты почему был недоступен?

- Играл блиц с Афанасьевым.
- Афанасьев. Афанасьев. Всюду этот гребаный Афанасьев.
- Мы только что упустили из-за тебя штукарь баксов.
- Что такое? — встрепенулся Гена.

Я объяснил ему, что такое. Я высказал все, что о нем думал. Я любил Гену, но сейчас я его ненавидел. Я также не постеснялся и обрисовал во всех красках личность Афанасьева. Мой монолог можно было легко положить в основу сюжета какого-нибудь скандального телешоу. «Афанасьев и его пешки». Или «Горбатый конь Афанасьева». Или «Афанасьев, горбатый ты конь!».

- Да ладно тебе, — сказал Гена, когда я выпустил пар.
- С чего это мне должно быть «да ладно»?
- Фигня. Мелочи жизни.
- Фигня? — спросил я.
- Ты бы лучше взглянул, какая у нас получилась красивая партия.

О ЛОШАДЯХ

Почему люди переезжают жить в Питер?
Вот и я поехал туда по этой же самой причине.

Собрал вещички, утрамбовал их в машину, выпил чашечку кофе и ровно в девять ноль три, поцеловав жену в щечку, которая должна была приехать ко мне, как только я обустроюсь на новом месте, выехал из родного города. Через пять минут я уже был в открытой степи. А еще через десять — повалил мокрый снег. И валил всю дорогу. Все пять тысяч километров пути. Кроме шуток.

Я всегда попадаю в истории с многолетними корнями. В командировках я то и дело испытывал на себе самые жаркие дни за последние сто—сто тридцать лет метеорологических наблюдений. Дома, напротив, прозябал под самыми дождливыми июлями тысячелетий. Вот и сейчас на всех станциях наперебой голосили, что такой снегопад в последний раз был аж при царе Николае Втором. Впрочем, с каждой оставленной позади сотней верст временной промежутков менялся вместе с историческими личностями, правившими страной в то время. Под Мариинском я уже наблюдал снегопад эпохи Никиты Хрущева. В Кемерове моему вниманию предстали осадки, аналогичные осадкам, из которых советские люди лепили снеговиков пятого декабря семьдесят третьего. «Вот уж поездочка», — говорил я себе. По всему выходило, что она станет в моей жизни событием знаменательным. Как спуск атомного ледокола, приуроченного к столетию Октябрьской революции.

Разумеется, я думал, что на следующий день погода изменится в лучшую сторону. Но проснувшись в Новосибирске и выглянув из окна комнаты в хостеле, я с удивлением обнаружил все тот же снег. Он шел крупными хлопьями. Медленно и обстоятельно. Как какой-нибудь граф, решивший совершить моцион перед ужином.

Снег шел и через двадцать четыре часа на Урале. Только теперь мне было уже не смешно. Огромная пробка из большегрузных машин парализовала движение по перевалам и сопкам. Дорога была сплошным льдом. Синим с белыми жилами. Грузовики не могли тронуться с места. Некоторые, не одолев перевалов, неохотно катились обратно, увлекая на своем пути легковушки. Я обгонял затор по обочинам. Когда было можно, выезжал на встречу, рискуя правами. И все равно двигался крайне медленно. Тут и там в заваленных снегом кюветах лежали перевернутые автомобили, смятые в гармошку тонары и многотонные фуры. Меня и самого не один раз заносило на по-

воротах. За неровный, в мелких колдобинах лед колеса попросту не могли уцепиться. Несколько раз от падения в кювет меня спасали только наваленные на обочинах сугробы. Я врзался в них, как в отбойники, и, не помяв машины, возвращался на трассу, поднимая за собой белое облако снега. Многие дальнобойщики, отыскав свободные зоны отдыха, глушили моторы, готовясь к ночевке. Они явно ни на что уже не рассчитывали. Но я-то знал, никто из них не ехал в Питер. Те, кто держал курс к Балтийскому морю, все они были на трассе и, буксуя, утробно гудя клаксонами, чертыхаясь и матерясь, несмотря ни на что, двигались к цели. Когда пункт твоего назначения Санкт-Петербург, невозможно проявлять благоразумие. Кроме шуток.

Я едва вырвался из этого ада, но и дальше дорога не дала вздохнуть мне свободно. Днем мокрый снег налип на асфальт, образовав покров липкого месива. А к вечеру ударил мороз. И вся трасса превратилась в белоснежный каток. Ни линии разметки, ни обочины не разобрать. Дорога полностью слилась с окружающим ландшафтом.

Я полз по заснеженной трассе километров сорок-пятьдесят. Обледеневшие дворники беспомощно скребли по лобовому стеклу, не справляясь с осадками. Время подходило к полуночи. Хотелось спать, но, как назло, не попадалось ни одной вшивой гостиницы. «Выжить, — вот все, что твердил мне мой сонный разум. — Любой ценой выжить». И его опасения были совсем не напрасными. Через каждые несколько десятков километров пути мне попадались столкнувшиеся лоб в лоб машины. Окровавленные тела с торчащими под неестественными углами конечностями валялись прямо на трассе. Работники «Скорой» не спешили везти их в больницы. И это было самым ужасным во всей этой истории. Если бы горбатые, выкрашенные в желтый цвет реанимации проносились взад и вперед на бешеных скоростях, оглашая округу воем сирен, было бы не так жутко. Во всяком случае, ты понимал бы, что ситуация хоть и критическая, но под контролем. Ничего страшного. Просто какие-то хорошие люди попали в скверную передрагу, но их обязательно вытащат, после чего те будут жить долго и счастливо. Но «скорые» стояли на месте. Никто из попавших сегодня в беду не проживет долгой жизни. Ненароком вспомнился один из моих пассажиров той славной поры, когда я работал таксистом. Хирург, воевавший в Афгане. Он многое повидал в своей жизни и тогда, находясь в изрядном подпитии, не разрешал разогнаться по трассе быстрее восьмидесяти. Всякий раз, когда мимо нас проезжал встречный автомобиль, он прикладывался к бутылке. «Знаешь, что происходит с теми, кто сталкивается с подобной машиной? — спросил он, кивнув головой на оставленный позади „Мап“. — Нет? А я тебе расскажу. Член убирают налево, яйца направо и вжик, — резко провел он вдоль себя воображаемым скальпелем или чем там вскрываются трупы. — Потом подрезают анус, подрезают гортань и все это дерьмо вместе с кишками кладут в эмалированный таз». Теперь эта картина встала перед моим мысленным взором. Я остановился. Сбил с дворников лед, подышал свежим воздухом, чтобы проснуться, и осторожно покотил дальше.

В какой-то момент степь закончилась, над дорогой стеной навис лес. Лес, лес, один лес. Он тянулся, словно простуда, которую ты вздумал лечить народными средствами. То и дело главную дорогу пересекали гравийные съезды. Уныло змеясь в темноте, они терялись между деревьями. Куда они вели? К избушке на курьих ножках или к поляне с грибами, которые всю ночь напролет запевают русские народные песни? Почему-то на ум здесь приходили только такие почерпнутые из далекого детства ассоциации. И неудивительно. Я оказался в настоящей заднице мира. В ветхозаветной заднице, я бы сказал. Еще более волосатой, чем та, которую я покинул двое суток назад. Того и гляди, на трассу спустится Змей Горыныч с тремя головами и спалит меня к чертовой матери, не оставив ни ножек, ни рожек.

Словно по мановению волшебной палочки, окружавший лес чуть расступился. Ровно настолько, чтобы освободить место сложенному из некрашеного бруса коттеджу

с асфальтированной парковкой, на которой стояло несколько уцелевших во вьюге машин.

«Мотель» — светилась яркая надпись над входом.

Для людей ли это все здесь построено, до сих пор оставалось совершенно непраздным вопросом. Но на входе меня встретила самая обыкновенная русская женщина. Грустная и без кокошника.

— Комнату, — сказал я, протянув паспорт.

Женщина стала привычно заполнять журнал регистрации.

— Эй, мужчина, — тихо позвала меня из ближайшей комнаты девушка.

Я обернулся и увидел опять-таки самую обыкновенную шлюху. Толстую и некрасивую. Она зазывно стояла в дверях. Она была совсем голой. Срам прикрывало лишь полотенце, обернутое вокруг талии.

— Один? — прошептала она.

— Что?

— Вы один?

— Нет, — сказал я. И отвернулся.

Но проститутка никуда не ушла. Я чувствовал спиной, как она по-прежнему стояла в дверях.

— С кем вы? — спросила грустная русская женщина.

— Один, — сказал я.

Проститутка прикрыла за собой дверь.

«Бедная, — думал я, ложась спать. — Она так и не дождалась героя на белом коне и за неимением профессии пошла торговать собственным телом». В том, что это именно та сказочная принцесса из замка, проклятая ждать взаперти своего суженого, я не сомневался. В этом лесу швейцарами могли работать только Кощеи Бессмертные, проститутками — дочери царей, а ИП открывали бывшие Золушки.

Теперь я знал подлинный конец детских сказок.

Но вот наконец следующим вечером я добрался до Питера. Словно попал в собственный сон. И даже не так. Скорее это было похоже на сновидение во сне. Я не мог поверить в то, что такие места существуют. Дома с эркерами и барельефами. Помпезного вида дворцы с колоннами, фонтанами и садами. Нева, разводные мосты, каналы. Все будто бы нарисованное. Один большой музейный экспонат под открытым небом.

Я оставил машину на Лиговском и направился вниз по проспекту. Снег прекратился. Шел мелкий дождь. Вскоре я свернул на Невский. Десятый час вечера, но кругом полно пешеходов. Люди прогуливались. Они никуда не спешили. Когда вокруг тебя такая неслыханная красота, спешить действительно некуда. Как же мне хотелось идти вместе с ними. Полюбоваться Аничковым дворцом и Казанским собором, погулять по Дворцовой площади, сфотографироваться на фоне Ростральных колонн, Петропавловской крепости и Пяти углов. Столько времени я изучал по картам географию города, что, казалось, теперь мог идти по нему с завязанными глазами. Но у меня не было времени. Если я не хотел остаться на улице, стоило позаботиться о ночлеге. «Прощай, Невский, — сказал мысленно я, окинув взглядом дома, и людей, и низкое серое небо. — Прощай, площадь Восстания. Завтра мы встретимся снова. У нас будет целый день впереди, чтобы познакомиться ближе».

Вернувшись к машине, я созвонился с хозяином съемной квартиры. Он ждал меня с самой Вологды и уже думал, что я не приеду. Судя по всему, он успел изрядно напиться.

Через полчаса я подъехал по нужному адресу.

— Михаил, — открыв дверь, сказал хозяин.

— Анатолий, — представился я.

Мы пожали друг другу руки. Михаил безбожно шатался. Но делал вид, что еще ничего. Его лысина была красной, будто ее натерли наждачной бумагой.

— Как дорожка, Анатолий?

— Снегопад, гололедица. Думал, где-нибудь разобьюсь.

— Да, зима, — трагично сказал Михаил.

Мы зашли в зал, осмотрели кухню и ванную. Старая мебель, обесцветившиеся, серые от грязи и табачного дыма обои, пыльные шторы, допотопный цветной телевизор, который показывал с такой рябью, что нельзя было понять, кто сейчас на экране: женщина или мужчина. И все-таки у квартиры были свои преимущества. Низкая плата и метро в шаговой доступности. О чем мне тут же не преминул сообщить Михаил.

Мы ударили по рукам. Пока я отсчитывал деньги, Михаил налил себе рюмку. Кольяк стоял у него за диваном. Там же у него стояла тарелка с виноградом, которую он извлек на свет божий вместе с бутылкой.

— Выпьете со мной, Анатолий?

— Нет, я за рулем.

— Тогда за ваше здоровье.

Он намахнул рюмку и закусил. По всему было видно, что домой он идти не торопится.

— А вы, значит, из самой Сибири?

— Да, из Абакана.

— Это где же такой город находится?

— Южней Красноярска.

Михаил присвистнул. Мои опасения начинали сбываться.

— Отчаянный вы человек, должен я вам сказать.

— Да, мне уже говорили.

— Женаты?

— Жена приедет, когда обустроюсь.

— А дети есть?

— Детей нет.

— Без детей, оно, конечно же, легче. И все равно... Уважаю!

Мы помолчали мгновение. Михаил задумчиво разглядывал плитус.

— А в Сибири что не жилось? С работой туго?

— По-всякому было.

— Да, времена, — опять сказал он трагично. — А впрочем, здесь тоже не сладко. То же самое, что везде. Суеты только больше. Все что-то носишься сломя голову, а годы уходят.

Михаил снова наполнил рюмку. На этот раз он выпил без тостов.

— Сибирь! Это же такая природа! Такие просторы! Я, конечно, в ваших краях не бывал, но... — он замолчал. Замолчал, чтобы наполнить рюмку опять. — У меня брат живет на Алтае.

— Правда?

— Такая красотища, должен я вам сказать.

Михаил встал. Его сильно качнуло, но он удержался. Расставив широко ноги, он пьяно взглянул на меня. В его глазах была грусть. Я никогда не видел такого грустного взгляда. Без шуток.

Он выпил стоя. Затем медленно двинулся к выходу.

— Я вот всегда мечтал жить подальше от города, — обуваясь, произнес он. — Разводить лошадей. У вас ведь там есть лошади, Анатолий?

— Полно, — сказал я.

Мне не хотелось расстраивать Михаила. Он, видно, решил, что Абакан — это нечто в поле и с юртами, между которыми пасутся стада разнообразнейшей живности. На самом деле лошадей у нас днем с огнем не разыщешь. Разве только клерков и алкоголиков.

— Вот видите. А здесь где держать лошадь?

— На ипподроме.

— Это уже не то, — отмахнулся от моих слов Михаил. — Лошадь нужна, чтобы в любой момент сел и поехал. Рано утром, пока еще туман на полях. Как у «Любэ» в песне. Вот у вас была лошадь?

— Да. Плясуном звали.

— Красивое имя.

— Мне тоже понравилось.

— Выезжали утром на лошади?

— Выезжал, — соврал я.

Михаил понимающе кивнул головой. Потом открыл дверь, шагнул за порог.

— Счастливый вы человек, должен я вам сказать.